Навстрѣчу солнцу

4. — ВЪ ИНДІЙСКОМЪ ОКЕАНѢ

Въ узкой части Краснаго моря цѣлый день послѣ Суэца хорошо видны оба берега — азіатскій, съ величественнымъ массивомъ горы Синайской и африканскій, египетскій, то въ скалистыхъ красноватыхъ отрывахъ, то въ пятнахъ песчаной пустыни, имѣющихъ цвѣтъ львиной шкуры. Почему это море называется Краснымъ, — спрашиваютъ другъ друга пассажиры. Быть можетъ, по цвѣту этихъ порфировыхъ египетскихъ скалъ?

Пустыннѣйшій уголъ стараго свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ такой близкій къ Средиземному морю, къ историческимъ путямъ цивилизаціи. На огромнѣйшемъ протяженіи тянется полоса Краснаго моря къ югу. Пароходъ, вышедшій изъ Суэца 15-го, лишь 19-го проходитъ сквозь узкое горло, замыкающее это море возлѣ Адена. За эти дни совершается переходъ изъ одной географической обстановки въ другую. Вскорѣ послѣ Адена мы оказываемся всего лишь въ восьми градусахъ широты отъ экватора.

Но этотъ переходъ мало замѣтенъ. Берега на второй день отходятъ далеко. Гдѣ то тамъ, къ западу, новый портъ Чернаго Судана, и гдѣ то къ юго-востоку — Аравія съ таинственной Меккой. Чайки, вьющіяся за пароходомъ, какія то иныя, чѣмъ въ Средиземномъ морѣ — меньшіе и болѣе хищнаго очерка, крылья сѣрыя, а не бѣлыя и съ черной подкладкой. Красное море очень спокойно въ это время года, пароходъ скользитъ какъ по озеру. Все горячѣе и горячѣе воздухъ. Термометръ показываетъ 32, температура воды — 26. На нижней палубѣ сооружена купальня. Но купанье не освѣжаетъ. Морская вода, туда льющаяся, кажется нагрѣтой искусственно. Можетъ быть, эти теплыя воды и привлекаютъ акулъ, которыми, какъ говорятъ, кишитъ Красное море.

Мимо Адена мы проходимъ рано утромъ, не остановившись. Очень ярко горятъ огни берега. Въ Индійскомъ океанѣ дышится легче. Навстрѣчу намъ дуетъ полный, почти свѣжій вѣтеръ. Идетъ волна, ломающаяся бѣлыми гребнями. Нѣсколько дикихъ островковъ лежатъ на нашемъ пути, прежде, чѣмъ мы оторвемся отъ африканскаго берега и увидимъ, какъ уйдетъ назадъ послѣдній его мысъ Гвардафуй. Мрачной и первобытной кажется Сокотра, обильная змѣями, скорпіонами, ядовитыми пауками.

А дальше — четыре дня океанскаго простора, вдали отъ какихъ бы то ни было береговъ. Вѣтеръ все свѣжѣетъ и свѣжѣетъ, облака тянутся съ сѣвера, сгущаются тучки, льется дождь. А потомъ снова прорывается солнце и въ немъ серебристо блестятъ выпрыгивающія изъ воды и летящія надъ водой, какъ стрѣлки, летучія рыбы. На третій день кто то изъ пассажировъ зоветъ къ борту. Да, въ самомъ дѣлѣ, виденъ высокій фонтанчикъ и что то темное и большое между двухъ волнъ — китъ, забредшій сюда изъ той водной безконечности, которая тянется такъ, непрерываемая, до самаго Южнаго полюса.

Наканунѣ Рождества — земля. И какое счастье, совсѣмъ, совсѣмъ близко довольно большой островъ. Это — плоскій, раскинувшійся полукольцомъ Миникаи, принадлежащій къ Мальдивской группѣ. Коралловый рифъ окружаетъ внутреннюю лагуну. Ея гладь неправдоподобнаго блѣдно-зеленаго цвѣта. Бѣлая полоска прибоя окаймляетъ ее, а дальше темный и синій океанъ. Берегъ виденъ отлично. Онъ густо заросъ низкими пальмовыми деревьями и кустарникомъ. Зелень наконецъ! Но тропическая, не наша зелень, съ оттѣнкомъ металла въ ней, какъ бы красноватой бронзы. Бѣлое зданіе маяка, какъ будто бы очеркъ дома, мелькающій среди пальмъ. Но людей не видно. Жители острова въ морѣ, видимо, на рыбной ловлѣ. Вотъ лодки ихъ, съ двумя маленькими треугольными парусами каждая. Идутъ въ полвѣтра, очень ходко искусно управляемыя черными, сидящими на кормѣ маленькими фигурками. На восточномъ берегу Миникая изъ воды торчитъ пароходная труба на разрушенномъ остовѣ судна. Четыре года назадъ, шедшій изъ Коломбо нѣмецкій карго, наскочилъ ночью и въ туманѣ на рифъ.

Боже! Какіе затѣйники японцы, и какіе любезные и гостепріимные затѣйники. Да, кажется и вообще любители всякой потѣхи. Какъ разукрасили они столовую въ честь рождественскаго сочельника: флаги, фонарики, цвѣтные шары, бумажныя ленты и бумажные листья, елки съ серебристо-ватнымъ снѣгомъ, поросенокъ изъ картофельнаго пюре и огромная задумчивая рыба, я ужъ не знаю изъ чего, и, наконецъ, цѣлый свѣтящійся фольговыми окнами бѣлый храмъ изъ сахара, въ два аршина высотой. Нашъ праздникъ, но милѣйшіе наши японскіе хозяева такъ рады всякому случаю повеселиться. Шумнѣе и смѣшливѣе за ихъ столомъ, чѣмъ за тѣмъ, гдѣ представляютъ Европу и Америку всего навсего двѣ докторскихъ четы (англо-ирландская и чикагско-вѣнская), да еще вашъ корреспондентъ.

П. Муратовъ.

Коломбо.

Бунинъ о Франціи

Газета «Энтрансижанъ» производитъ анкету среди виднѣйшихъ иностранныхъ писателей и журналистовъ подъ заглавіемъ: «Что вы думаете о Франціи?» Во вчерашнемъ номерѣ напечатанъ отвѣтъ И. А. Бунина.

— Чтобы отвѣтить на вашъ вопросъ, я самъ задалъ себѣ другой вопросъ: почему, покинувъ свою родину, я рѣшилъ поселиться во Франціи? Или точнѣе: почему я отдалъ предпочтеніе Франціи передъ всѣми другими странами?

Стараюсь вспомнить... Это уже такъ далеко... Какъ я это рѣшилъ — взвѣсилъ ли я все за и противъ. И вотъ мнѣ кажется, что нѣтъ. Рѣшеніе пришло само собой. Разъ я не могъ жить больше въ Россіи, я долженъ былъ поселиться во Франціи. Это было самоочевидно, словно нѣкій законъ природы.

Я никогда не жалѣлъ объ этомъ рѣшеніи. Во Франціи такъ легко дышется. Я не представляю себѣ, какъ бы я могъ жить въ другой чужой странѣ.

Я ненавижу анархію; но я больше всего на свѣтѣ дорожу свободой. Во Франціи свобода — нѣчто такое, о чемъ даже не думаешь, настолько ея духомъ проникнуты нравы и жизнь. Я могу работать такъ, какъ я хочу. Я могу свободно выражать мои литературные вкусы. Чего-жъ мнѣ еще больше?...

Для русскихъ французы представляются иногда недостаточно экспансивными. Мы слишкомъ привыкли къ взаимнымъ объятіямъ. Нѣкоторые наши эмигранты склонны считать французовъ слишкомъ «сухими». Я не раздѣляю этого мнѣнія. Французская народная масса сдержанна, потому что на ней полировка тысячелѣтней культуры.

Выставка Сера

Выставка, посвященная художнику «Сера и его друзьямъ» въ галлереѣ де Бо з-Аръ вызвала совершенно исключительный интересъ, вслѣдствіе чего будетъ продолжена до конца января.

Выставка обогатилась 50-ю произведеніями Сера и его группы, предоставленными въ послѣднія недѣли частными коллекціонерами.

Кончина де Сельва

Въ Парижѣ, 86-ти лѣтъ, скончался извѣстный французскій государственный дѣятель, игравшій въ свое время видную роль во французской политикѣ, де Сельвъ.

Покойный по профессіи былъ адвокатомъ. Однако, вскорѣ перешелъ въ администрацію. Былъ префектомъ въ рядѣ департаментовъ и, наконецъ, былъ назначенъ префектомъ деп. Сены. Въ 1909 году онъ былъ избранъ сенаторомъ, примкнулъ къ умѣренному крылу верхней палаты, а въ 1911 году былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Кайо.

Пребываніе его на этомъ посту ознаменовалось сенсаціонными событіями. Премьеръ Кайо, независимо отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, началъ переговоры съ Германіей относительно обмѣна Камеруна. Де Сельвъ подалъ въ отставку, что произвело огромное впечатлѣніе. Эта отставка вскорѣ повлекла за собой паденіе всего кабинета.

Съ 1924 по 1927 г. де Сельвъ былъ предсѣдателемъ сената. Въ 1927 г. онъ не прошелъ на выборахъ въ сенатъ и съ тѣхъ поръ больше не занимался политикой.

Русскій, выигравшій дважды

На долю русскаго шоффера, казака П., проживающаго въ 15 аррондисманѣ въ районѣ улицы Віала, выпало совершенно исключительное счастье. Насколько извѣстно, такой удачи не было еще ни у кого изъ купившихъ билеты нац. лотереи.

Казакъ П. купилъ всего-навсего два билета. Одинъ билетъ, 3-го выпуска и одинъ билетъ 4-го выпуска. И вотъ оба билета выиграли. На билетъ 3-го выпуска палъ выигрышъ въ 10.000 фр., на билетъ 4-го выпуска — въ 50.000 фр.

За послѣднее время дѣла П. были очень плохи. Зарабатывалъ онъ все меньше и меньше. Легко себѣ представить, какую радость доставила ему столь необычайная удача...

Сигара съ порохомъ

Сортировщикъ почты, работающій въ станціонномъ бюро въ Ганноверѣ, съ нѣкотораго времени замѣтилъ таинственное исчезновеніе сигаръ изъ своего стола. Желая поймать вора, онъ устроилъ ловушку: выскобливъ внутренность одной изъ сигаръ, онъ наполнилъ ее порохомъ.

Въ тотъ же день преступникъ былъ обнаруженъ. Это оказался другой служащій почтоваго бюро, занимающій довольно видное положеніе. Лицо его было сильно обожжено взрывомъ пороха, и онъ едва не ослѣпъ. Онъ былъ задержанъ и на допросѣ сознался въ совершеніи ряда преступленій. Оказывается, этотъ чиновникъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ присваивалъ налогъ, вносившійся любителями радіомузыки. Онъ присваивалъ подписныя деньги на газеты, проходившія черезъ его руки, и т. д. Въ результатѣ, попавшись на кражѣ сигары, этотъ чиновникъ былъ приговоренъ судомъ за другія дѣла къ 12 мѣсяцамъ принудительныхъ работъ.

Конецъ шпіонки Лидіи Успенской

Утромъ 1 января на полотнѣ желѣзной дороги, ведущей изъ Варшавы въ Данцигъ, послѣ прохода скораго поѣзда, былъ обнаруженъ изуродованный трупъ молодой женщины. Полиція вскорѣ установила, что это нѣкая Лидія Успенская, 26 лѣтъ, что она играла видную роль въ шайкѣ международныхъ шпіоновъ и, наконецъ, что она была выброшена изъ поѣзда своими сообщниками, которые боялись ея разоблаченій.

Нѣсколько лѣтъ назадъ Успенская получила большое наслѣдство отъ своихъ родителей, владѣвшихъ помѣстьями въ сѣверной Польшѣ. Отъ состоянія вскорѣ ничего не осталось — она много проиграла въ Монте-Карло и въ Біаррицѣ. Два года назадъ послѣднія деньги ею были проиграны въ цоппотскомъ казино, подъ Данцигомъ. И въ тотъ же день она была завербована совѣтскими агентами для шпіонской работы: агенты ГПУ соблазнили ее деньгами и драгоцѣнностями.

Съ той поры Успенская стала работать, какъ агентъ связи между центромъ большевицкаго шпіонажа въ Данцигѣ и варшавской организаціей большевиковъ. Работала она, однако, для красныхъ не искренне, намѣреваясь получить съ нихъ какъ можно больше денегъ, а затѣмъ ихъ предать.

По странному капризу судьбы, послѣдняя задача ей удалась: въ подкладкѣ костюма, въ которомъ былъ найденъ трупъ, полиція обнаружила пространное письмо, собственноручно написанное Успенской и содержащее ея полное покаяніе. Она въ этомъ письмѣ, заготовленномъ, очевидно, давно, назвала имена ряда большевицкихъ агентовъ въ Польшѣ. Вчера при попыткѣ бѣгства въ Данцигъ на варшавскомъ вокзалѣ двое изъ этихъ агентовъ, къ тому же наиболѣе видныхъ, были захвачены польской полиціей. Послѣ этого ареста полиція и опубликовала вышеприведенныя свѣдѣнія.

Вандербильтъ — охотникъ на львовъ

Въ канадской газетѣ "Торонто Дэйли Старъ", извѣстный въ Америкѣ писатель Синклеръ напечаталъ разсказъ объ охотничьей экспедиціи въ Восточную Африку молодого американскаго милліонера, Джорджа Вандербильта. Въ этомъ разсказѣ, достовѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію, со словъ Вандербильта напечатано слѣдующее:

"Однажды мы отправились для охоты въ районъ, на который не распространяется общее правило объ охранѣ крупной дичи. Мнѣ удалось застрѣлить молодую зебру. Я предусмотрительно захватилъ съ собой крѣпкія веревки и большіе крючки для ловли рыбы, такіе, какъ примѣняются для ловли акулъ. На эти крючки я насадилъ куски зебры и затѣмъ мы отправились дальше въ мѣстность, гдѣ, по словамъ туземцевъ, было много львовъ.

Хищники, почуявъ свѣжее мясо, стали вести себя такъ же, какъ рыбы, и мы начали заниматься ловлей львовъ на эту приманку. Въ теченіе двухъ дней мы поймали 25 львовъ, не подозрѣвавшихъ о такомъ новомъ способѣ охоты на нихъ.

Какъ только левъ попадался на крючокъ, онъ начиналъ неистово кричать и метаться во всѣ стороны. Мы же, привязавъ конецъ веревки къ автомобилю, — машины Форда прекрасно подходятъ для охоты въ африканской пустынѣ, — давали полный ходъ. Левъ сперва упирался, потомъ катился клубкомъ и, въ концѣ концовъ, изнеможденный, прекращалъ сопротивленіе. Многіе изъ этихъ львовъ околѣли, потому что мы не могли выдернуть крючковъ изъ ихъ пасти. Нѣкоторыхъ изъ львовъ мы пристрѣлили, другихъ, менѣе пострадавшихъ, мы связывали, снимали съ крючка и отпускали на свободу.

Послѣ помѣщенія такого разсказа въ канадской газетѣ Вандербильтъ получилъ увѣдомленіе отъ властей, что впредь ему никогда ни въ какой странѣ не будетъ выдаваться разрѣшеніе на охоту.

Слѣдствіе по дѣлу Ставицкаго

ДОПРОСЪ СТАВИЦКОЙ

О томъ, что Ставицкая сообщила на допросѣ комиссару Сюрте Женераль, офиціально пока ничего неизвѣстно.

По свѣдѣніямъ газеты «Энтрансижанъ», комиссаръ подробно допрашивалъ Ставицкую о томъ, какимъ образомъ ея мужъ передъ бѣгствомъ досталъ поддѣльный паспортъ и какъ именно онъ бѣжалъ. Газета высказываетъ предположеніе, что Ставицкая сдѣлала чрезвычайно важныя сообщенія, въ частности, относительно лицъ, съ которыми видался ея мужъ.

Все сказанное Ставицкой будетъ въ первую же очередь сообщено байонскому судебному слѣдователю.

Вдова Ставицкаго дала пространное интервью сотруднику "Дэйли Экспрессъ".

— Когда я увидѣла моего мужа, лежащаго въ крови, — сказала Ставицкая, — въ моей головѣ пронеслось воспоминаніе о вечерѣ 9 лѣтъ тому назадъ, когда мы впервые встрѣтились. Я сидѣла въ кафэ съ однимъ богатымъ южно-американцемъ. Сергѣй — я его тогда еще не знала — вошелъ въ кафэ. Увидѣвъ меня, онъ остановился. Южно-американецъ былъ съ нимъ знакомъ. Онъ представилъ его мнѣ. Мы взглянули другъ на друга и сразу же почувствовали, что мы будемъ другъ друга любить.

Я хотѣла, чтобы Сергѣй жилъ бы въ деревнѣ, велъ бы спокойную жизнь. Но онъ увлекался финансовыми операціями. Какъ-то онъ мнѣ сказалъ, что я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю. Мы рѣшили, что я не буду касаться его дѣлъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ въ Біаррицѣ я начала замѣчать, что онъ чѣмъ-то обезпокоенъ. Нынѣ пишутъ, что онъ былъ окруженъ женщинами. Это правда, но эти женщины служили ему шпіонками въ его дѣлахъ.

Каждое утро онъ вставалъ въ 7 часовъ. Съ 9 до 11 час. онъ принималъ министровъ, важнѣйшихъ государственныхъ людей, съ именами, извѣстными всей Франціи; нынѣ всѣ они заявляютъ, что никогда его не видали...

Ничто не могло сравниться съ его нѣжностью ко мнѣ въ теченіе этихъ послѣднихъ недѣль. Но я уже ясно себѣ отдавала отчетъ въ томъ, что его дѣла плохи.

Въ сочельникъ онъ пришелъ взволнованный.

— Я долженъ немедленно уѣхать, — сказалъ онъ. — Тиссье арестованъ. — Это —конецъ. Не спрашивай меня, куда я ѣду.

Онъ рыдалъ. "Ты бы лучше уѣхала изъ гостиницы", — продолжалъ онъ. Это были его послѣднія слова. Черезъ часъ мнѣ принесли гіацинты — это былъ его послѣдній подарокъ.

Я еще ничего не сказала моимъ дѣтямъ.

Сергѣй купилъ револьверъ тотчасъ же послѣ того, какъ купилъ гіацинты; это мнѣ сказалъ Анри Вуа.

Сергѣй умеръ для меня и для нашихъ дѣтей. Я буду жить для нихъ. Сергѣй застраховался въ мою пользу на сумму въ 5 милліоновъ франковъ, но страховое общество нынѣ оспариваетъ эту страховку. Мнѣ придется искать работу...

Двоюродный братъ Ставицкаго

Изъ Варшавы передаютъ свѣдѣнія, которыя, быть можетъ, прольютъ новый свѣтъ на дѣятельность Ставицкаго.

Нѣкій Николай Маковичъ, двоюродный братъ Ставицкаго, проживавшій въ Варшавѣ, исчезъ въ тотъ же день, когда Ставицкій покончилъ съ собою.

За два или три дня до драмы Николай Маковичъ имѣлъ длительную бесѣду по телефону съ женщиной, говорившей по французски, которая, какъ сообщаютъ, звонила ему изъ виллы «Ле Вье Ложи» въ Шамони.

Агентъ Ставицкаго пытается покончить съ собою

Въ Кемперѣ бросился въ рѣку, чтобы покончить съ собою нѣкій Дрого, одинъ изъ агентовъ Ставицкаго по размѣщенію боновъ. Его удалось спасти.

Судьба Устрика

Въ связи съ дѣломъ Ставицкаго вспомнили объ Устрикѣ. Премьеръ - министръ заявилъ въ палатѣ, что если срокъ временнаго освобожденія Устрика окончился, онъ будетъ тотчасъ же вновь арестованъ.

Адвокатъ Устрика Вайе заявилъ вчера журналистамъ:

— Устрикъ былъ арестованъ 30 ноября 1931 года. Онъ былъ освобожденъ 21 сентября 1932 года. Принимая во вниманіе сокращеніе срока тюремнаго заключенія, которое распространяется на приговоренныхъ, проведшихъ предварительное заключеніе въ одиночныхъ камерахъ, Устрикъ полностью отбылъ срокъ наказанія согласно приговору, ибо онъ былъ приговоренъ лишь къ году тюрьмы. Объ арестѣ его, такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи.

Однако, это оказалось не совсѣмъ такъ. Устрику оставалось отсидѣть еще два дня. Устрикъ явился вчера въ прокурорскій надзоръ и отдалъ себя въ распоряженіе правосудія.

Національная Лотерея

Продажа 5, 6, 7, 8 и 9-го выпусковъ
Цѣлыми билетами, половинами четвертями и десятыми частями

1/10 цѣлой книжки (10 билет) любого выпуска стоитъ 100 фр.

5-ый выпускъ будетъ въ продажѣ вплоть до 9 часовъ вечера 23 Января

Всѣ порученія въ Россію

A. GODOVANNIKOFF 30, Quai de Passy, PARIS-16e
Téléph.: JASMIN 01-50 Métro: PASSY
ВХОДЪ ВЪ КОНТОРУ ТОЛЬКО съ боковой улицы (2, av. René-Boylesve)
отъ 9 ч. до 7 час. веч. безъ перерыва не исключая субботъ и воскрес.

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

Война

РАЗСКАЗЪ (См. вчерашній номеръ «Возрожденія»)

Пашка, между тѣмъ, долго не понималъ, почему Ольга стала такой некрасивой, неряшливой, и ходитъ по дому въ стоптанныхъ туфляхъ и въ материнскомъ ваточномъ капотѣ, очень старомъ, кажется, перешитомъ изъ халата отца.

Эта крупная и длинноногая молодая женщина, которая такъ легко носила свое тѣло съ родинками на плечѣ, съ ямками на локтяхъ и на колѣняхъ, была раньше отъ тѣла неотдѣлима. Собственно, все, что было Ольгой, было ея тѣломъ, съ высокими, немного дрожащими боками, съ гладкой, немного покатой спиной въ чистомъ блескѣ и съ пушкомъ между лопатокъ.

Теперь Ольга, — она стала некрасивой, толстоносой, — удивленная тѣмъ тайнымъ, что шевелится въ ней, какъ то перестала помнить свое тѣло, точно потеряла себя. Пашка началъ замѣчать въ глазахъ сестры легкій, горячій свѣтъ, какого не видѣлъ раньше.

— Что съ Ольгой? — спросилъ онъ какъ то мать. — У нея животъ, что ли, болитъ? Она, кажется, набрюшники носитъ...

Мать чуть-чуть покраснѣла и залилась счастливымъ смѣхомъ:

— Какой ты, однако, Пашка, дуралей...

У Ольги родился мальчикъ. Ея письма, какія она писала Жорѣ, иногда карандашемъ, на многихъ листахъ, почему то длинными буквами и съ ошибками, казались похожими на ея спину, съ блескомъ и нѣжнымъ пушкомъ, на ея родинки и длинныя ноги.

Ольга подробно писала о маленькомъ, о пеленкахъ, какъ онъ «уже говоритъ ау», что у него карія глазки и какъ онъ играетъ ножками. Она описывала Жорѣ день за днемъ, и всегда то же самое, а онъ отвѣчалъ ей изъ окоповъ, послѣ боя, длинными письмами, въ которыхъ не было ни слова ни о боѣ, ни объ окопахъ.

Онъ писалъ, что Костеньку надо беречь, чтобы и она пошла къ врачамъ и тутъ же вдругъ вспоминалъ, какъ они ѣздили на вейкахъ въ Новую Деревню и оба вывалились въ снѣгъ, освѣдомлялся поѣдаетъ ли она одна пьяныя вишни и ходитъ ли въ театры.

Это были письма совершенно простыхъ и безпечныхъ душъ, полныхъ недумающей мудрости бытія, силы жизни и радующихся своей молодой любви. Жора писалъ, что цѣлуетъ ей руки и ноги, а она обычно отвѣчала, что цѣлуетъ ему руку, и потому, что ей на самомъ дѣлѣ хотѣлось поцѣловать ему руку, Ольга подъ конецъ всегда плакала надъ своими письмами благодарными слезами.

Бывали мѣсяцы, когда война точно отходила куда то, замирала или глохла и Пашка забывалъ о ней.

На каткѣ въ Петровскомъ паркѣ, въ тихій день передъ оттепелью, онъ встрѣтилъ Любу Сафронову, дочь штабсъ-капитана, которые жили ниже ихъ площадкой.

Пашка очень застѣснялся. Почему то его всегда смущала эта блѣдная, худенькая и большеглазая дѣвочка, со строгими бровями, въ мѣховой шапочкѣ. Онъ поздоровался съ нею, даже шаркнулъ по льду конькомъ, едва не упалъ.

— Я рада вась видѣть — внезапно сказала Люба и у Пашки екнуло сердце.

Они покатились вмѣстѣ. Ледъ былъ побѣлѣвшій, мягкій. Надъ каткомъ стоялъ бѣловатый туманъ сумерекъ. Дуговые фонари, уже зажженные, казались розоватыми. Народа на каткѣ было мало. Въ деревянной будкѣ военные музыканты настраивали трубы. Люба сказала:

— Я васъ видѣла у раздѣвалки, а вы меня даже не замѣтили...

— Простите, ей Богу, не видѣлъ.

— Что то близорукимъ стали...

Заиграла музыка, неожиданно, плавно. Какъ то дружнѣе зазвенѣли коньки. На льду шуршала толпа.

— А вы знаете, мы станемъ родственниками, — весело говорила Люба. — Вашъ братъ проситъ руки Аглаи. Папа согласенъ.

— Да что вы говорите, а я, ей Богу, не зналъ...

Пашка усиленно божился, хотя обычно не божился, и сдвинулъ на затылокъ шапку. Онъ хотѣлъ быть передъ Любой умнѣе, ловчѣе, молодцеватѣе и у него мелькнуло, что такъ, съ клокомъ волосъ изъ подъ фуражки, онъ, вѣроятно, похожъ на казака Крючкова. Пашка былъ страшно радъ, что Люба сегодня смѣется всему, что онъ ни скажетъ. А онъ готовъ былъ стать на голову, ходить по льду на рукахъ, какъ клоунъ, чтобы только ей нравилось. Отъ смѣха у Любы сіялъ ротъ.

Они уже забыли о Николаѣ и Аглаѣ, оба раскраснѣлись, обоимъ стало жарко и весело. Влажныя, вязаныя перчатки Пашки слегка дымились. Музыка плавно играла все то же, какъ имъ казалось, а одна труба какъ всегда, вдругъ крякнула и умолкла.

Они сѣли на скамью. Рыхлый ледъ, размѣшанный конькобѣжцами, казался подъ фонарями розоватымъ. Пашкѣ было необыкновенно пріятно и трогательно сидѣть рядомъ съ Любой. Иней оттаялъ отъ дыханія на мѣховомъ воротникѣ ея шубки. Пашка чувствовалъ ея запахъ, морозный, свѣжій, и немного влажный. Люба сняла шведскую черную перчатку, ея рука свѣтилась удивительно. Пашка замѣтилъ легкія мѣтинки на пальцахъ, слѣдъ перчатки, слегка жавшей ей руку.

Ему было такъ необыкновенно и трогательно, что это странное существо, Любочка Сафронова, его сверстница, которую онъ почему то побаивался, сидитъ съ нимъ на скамьѣ и чертитъ коньками мягкій, бѣлый ледъ, впередъ и назадъ, а музыка все плавно играетъ, а вѣтеръ, легкій, сырой, плавно, точно музыка, дышетъ въ лицо. Пашка сказалъ, что труба крякаетъ, какъ утка. Люба засмѣялась, потомъ нахмурила вдругъ брови и сказала строго:

— Такъ и надо, чтобы крякала....

— Почему?

— Не знаю. Но понимаю, что такъ надо. Я все понимаю.

Пашка подвинулъ шапку на затылокъ. Онъ все еще думалъ, что похожъ на Крючкова:

— Вы, Любочка, какъ нашъ сапожникъ Потыпицынъ. Онъ тоже, когда выпьетъ, кричитъ: я все понимаю.....

Она улыбнулась, не обидѣлась:

— Нѣтъ, правда, я понимаю. Я не могу сказать, не умѣю, вѣдь я еще дѣвочка, но я все понимаю, какъ все что то значитъ. Вотъ что труба, какъ вы сказали, крякаетъ, и вѣтеръ, что оттепель будетъ, что вотъ мы сидимъ такъ съ вами, а тамъ гдѣ то война... Я понимаю, только не умѣю сказать...

Черныя бровки трудно сошлись на тонелькомъ переносьѣ. Лицо Любочки стало грустнымъ и еще посвѣтлѣло. Иней забѣлѣлся на ея шубкѣ. Пашка послушалъ влажный шорохъ вѣтра.

— Я не думалъ объ этомъ, но я тоже все понимаю, — сказалъ онъ кротко и грустно. — Только все это страшно.

— Почему?

— Не знаю, но какъ то страшно.

— Да, кажется....

Два подростка, едва понимая другъ друга, невнятно говорили о томъ, что чувствовали оба, о томъ, что ждетъ ихъ обоихъ, потомъ чему то засмѣялись, забыли, что говорили, и, взявшись за руки, покатились въ туманъ.

Послѣ встрѣчи на каткѣ, Пашка внезапно понялъ, что любитъ Любочку Сафронову, причемъ его любовь довольно несчастна и никому на свѣтѣ никогда не будетъ извѣстна, но такъ и надо въ настоящей любви. Это не то, что у скучнаго Николая съ Аглаей, или у Ольги, которая теперь только и знаетъ, что застирываетъ на кухнѣ съ Аленой пеленки, отъ которыхъ пахнетъ мыломъ и дѣтскимъ тепломъ.

Въ тотъ зимній вечеръ, когда Пашка вернулся съ катка, Ольга вязала сыну у лампы дѣтскіе башмачки, и мать что то вязала на спицахъ, которыя иногда звенѣли. Дома у Маркушиныхъ теперь всегда было очень дружно и тихо.

Въ тотъ зимній вечеръ въ окопахъ свѣжо пахло снѣгомъ и вечерняя тишина была удивительно нѣжной отъ того, что въ нѣмецкомъ окопѣ кто то игралъ на губной гармоникѣ вальсъ. Наивные звуки гармонки слушали въ русскомъ окопѣ такіе же бѣлобрысые солдаты, съ такими же озябшими и свѣтящимися отъ снѣга лицами, точно всѣ притихшіе люди въ окопахъ, и нѣмцы и русскіе, слушали звуки иного міра, необыкновенно простого и прекраснаго, можетъ быть рая.

Въ тотъ зимній вечеръ Ольга, послѣ того какъ покормила грудью и уложила Костю, пришла къ матери.

Любовь и материнство Ольгу перемѣнили. Она сдружилась съ матерью, теперь она всегда торопилась домой, чтобы только подержать на рукахъ теплое тѣльце сына, она страшно любила, съ матерью и Аленой, купать мальчика на кухнѣ, въ корытѣ. Что то простое и вмѣстѣ съ тѣмъ сильное, чистое и покойное сквозило теперь во всѣхъ движеніяхъ Ольги.

Ольга пришла къ матери, чтобы пошептаться съ ней о своемъ счастьи, и какъ ей страшно за свое счастье, но мать уже спала.

Ольга прилегла къ ней и заснула сама, какъ была, въ халатѣ и старыхъ туфляхъ. Ея голова покоилась на подушкѣ рядомъ съ головой матери.

Въ темнотѣ мать проснулась. Она узнала Ольгу по одному ея тихому дыханію, но все же провела рукой по ея лицу, отвела назадъ волосы съ ея лба, который показался ей совершенно такимъ же кроткимъ, какъ въ дѣтствѣ, осторожно прикрыла дочь своимъ пледомъ, отцовскимъ пальто, и заснула, счастливая, снова....

А наивная гармоника въ нѣмецкомъ окопѣ уже давно умолкла и въ студеной темнотѣ все чаще стукали одинокіе выстрѣлы, готовые слиться въ ночную перестрѣлку.

Иванъ Лукашъ.